

страдали авторы наиболее квалифицированных историографических работ — Н.Л. Рубинштейн и О.Л. Вайнштейн.

В монографии немало других интересных и захватывающих сюжетов. Например, очень интересно читать об историко-документальных проектах академика И.И. Минца по сбору воспоминаний участников Гражданской и Великой Отечественной войн. Книга, как сказал бы М. Блок, «пахнет человечиною». Каждый параграф, оставшийся недосказанным или недорассказанным в силу фрагментарности материала, намечает сюжетные линии, которые, надеюсь, будут развёрнуты в новых исследованиях автора.

Олег Лейбович: *Война всех против всех*²

Oleg Leibovich (Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg; Perm State Institute of Culture, Russia): War of everyone against everyone

DOI: 10.31857/S086956870005915-7

Когда читаешь книгу В.В. Тихонова, всё время возвращаешься к мысли: это же историческая иллюстрация к Т. Гоббсу, точнее — к самому известному его тезису о «войне всех против всех» как естественном состоянии людей до заключения ими общественного договора. Современный исследователь наследия этого британского мыслителя тут же поправил бы меня: «Гоббс не описывает реальные события, он почти не обращается к реальной истории»³. Тихонов, напротив, тщательнейшим образом реконструирует битвы историков в первое послевоенное десятилетие: закулисные интриги, хладнокровные доносы, неистовство обличителей, неуклюжие манёвры подвергшихся нападению, искренние и неискренние раскаяния, честолюбивые мечты одних и желание спастись других, крушение авторитетов и восхождение новых людей... Всё это очень напоминает гражданские войны древности. Историк находит им другое название: «коллективное безумие», тут же оговариваясь, что «внутренне они имели свою железную логику». По его мнению, в этих идеологических кампаниях речь шла о столкновении «двух неравных в своём могуществе сил: партийной и академической среды, их специфических культур» (с. 374).

Впрочем, в ином месте автор характеризует кампании как «иррациональные по своей сути» (с. 380). Представляется, однако, что это объяснение излишне схематично. Автор сам напоминает, что «история уже давно была участком “идеологического фронта”, а научная корпорация была насквозь пронизана партийными структурами» (с. 374). В такой ситуации вряд ли правомерно говорить о столкновении культур — скорее, речь идёт о внутреннем напряжении в общей освоенной историками и партийными работниками советской культуре. Можно взглянуть на эту ситуацию иначе, с институциональной точки зрения.

К началу 1940-х гг. советская историческая наука оформилась как особый социокультурный институт со своими нормами, идейными ориентирами, символическими фигурами, распределением статусов и ролей, строгой иерархией

² Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00221) в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН.

³ Филиппов А. Актуальность философии Гоббса // Социологическое обозрение. 2009. № 3. С. 111.

и видами легитимации: защитой диссертации, изданием монографии, правительственной наградой и Сталинской премией. Историки разных поколений усвоили несложные правила. Первое из них обязывало видеть в Сталине непререкаемый авторитет — не только политический, но и профессиональный: «Любое высказывание вождя, касающееся исторических вопросов, автоматически превращалось в директивные указания для учёных» (с. 34). Историки должны были исповедовать марксизм в интерпретации «Краткого курса истории ВКП(б)» в сочетании с национально-государственной традицией, восходившей не к С.М. Соловьёву, а к Д.М. Иловайскому, искусно заменявшему историю «собственными именами и “хронологией”... Он знал, что для цели, которую ставило Министерство, т.е. убить и интерес к истории, более подходящего учебника, чем его, нельзя было выдумать», — заметил В.А. Маклаков, изучавший историю в классической гимназии по учебнику последнего⁴. Существовал «белый список» исследовательских тем, время от времени пересматривавшийся, а вместе с ним и список «чёрный»: перечень сюжетов, недостойных пера историка, либо не подлежащих какой-либо исторической интерпретации, поскольку непререкаемые истины по ним уже высказаны партийными инстанциями. Все основные исторические фигуры также разносились по столбцам «положительные — отрицательные».

Внутренняя организация науки — в том числе «института истории» — являлась слепком с государственно-партийной структуры: иерархической, централизованной, регламентированной. «Первое — это военная иерархия, которая сразу всё прояснила. То, что вне её было подхалимством, в её пределах стало чинопочитанием. Содержание получило форму, красивую, правильную, молодежавшую, совместимую с честью и доблестью. Иерархия проецировалась в гражданский быт, где выглядит, конечно, иначе. Второй определяющий момент — иерархия снабжения. Ею всё сказано *en toutes lettres*. Откровенно, напрямик. Она ежеминутно ощутима в быту, её нельзя забыть. Наконец, она гораздо иерархичнее имущественного неравенства, и по психологической своей сущности — ближе к неравенству сословному, кастовому и именно для него создаёт предпосылки»⁵.

Высшие ступени в научной иерархии историков занимали действительные члены Академии наук СССР, за ними располагались члены-корреспонденты, далее доктора наук и кандидаты. Рангам соответствовали отличия: ордена, почётные звания и премии, а также материальные привилегии: квартиры, государственные дачи, прикреплённые автомобили с водителем и проч.

Наряду с официальными структурами сложилась клановая организация — объединения учёных вокруг сильных фигур. Тихонов точно и адекватно описывает процесс становления патрон-клиентских отношений внутри исторического сообщества. «Генералы от науки» обрастали собственными артелями, точнее свитами или кланами (с. 78—90). Они выполняли важную социальную функцию: помогали историкам адаптировать систему принуждения к своим возможностям и партикулярным интересам⁶, исполняли роль «страхового полиса», предохраняющего от внешних угроз. Более того, клановая организация

⁴ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011. С. 38—39.

⁵ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Новое собрание. М., 1999. С. 282.

⁶ Янковская Г.А. Патрон-клиентские отношения в практиках управления советским искусством эпохи сталинизма // *Ars administrandi*. 2013. № 2. С. 26—33.

профессиональной жизни позволяла несколько умерить проявления взаимной вражды, обид и недовольства.

Этот социокультурный институт, обладавший некоторой автономией, функционировал вполне исправно, исполняя обязанности, возлагаемые на него верховной властью: участвовал в агитационно-пропагандистской деятельности внутри и вне страны; издавал брошюры «на злобу дня», а с ними — и полноценные академические исследования. История в негласной «табели о рангах» стояла ниже, чем литература. Академик С.Б. Веселовский сетовал, что «новостью является только то, что наставлять историков на путь истины “сравнительно недавно” взялись литераторы, драматурги, театральные критики и кинорежиссёры»⁷.

Идеологические кампании, описанные в монографии, этот институт разрушили: «Кампания разорвала личностные связи между учителями и их учениками» (с. 213). Артели оказались разогнаны, внутренняя иерархия сломана, обесценились все действующие виды легитимации научной и преподавательской деятельности. Функциональные социальные роли — руководитель сектора, профессор, аспирант и проч. — на время заместились дихотомией гонителей и гонимых. «Нередко роли смешивались, но всё же чётко можно увидеть, кто жертва, а кто палач» (с. 266). Причём в каждой группировке имела своя градация. Среди гонителей — яростные и, что называется, «отбывающие номер»; «гангстеры пера» или «критики-корректоры»; научные оппоненты, а также наблюдатели из провинциальных вузов». Гонимые классифицируются по стратегиям поведения: «соглашательская», «защитная» и др. (с. 267).

Автор упоминает и иные виды классификаций новых социальных ролей, но следует отметить, что они не имеют отношения к исполнению институциональных функций. Складывается парадоксальная ситуация: сохранились все учреждения, составлявшие историческую науку: отделы, кафедры, издательства и проч. Но под этой оболочкой шла какая-то иная жизнь, фактически сводившая на нет их прежнее содержание. Историки отказывались публиковать труды; из библиотек изымали «вредную и устаревшую» литературу; на собраниях не обсуждали перспективы исследований, а разоблачали врагов. Что-то подобное происходило в КНР в годы «культурной революции». Фактически наука как общественный институт упразднилась, сообщество историков вступило в период, когда доминировало не стремление к совместной профессиональной деятельности, а «воля к борьбе путём сражения»⁸.

В чём истоки этого стремления? Исследование Тихонова позволяет поставить такой вопрос и найти на него ответ. Высокая степень конфликтности вызывалась множеством факторов, прежде всего — соперничеством за материальные и символические ресурсы, получаемые из рук государства. Речь идёт о выделении бумаги на публикации, денежных средств на экспедиции и научные командировки, о количестве штатных единиц и т.д. Наряду с профессиональными темами всплывали житейские: оклады, премии, академические пайки, квартиры и т.д. Академическая иерархия строилась линейно. Наверх вела всего одна лестница — должностная. Причём количество престижных мест было ограничено; привлекательные позиции заняты, способы подъёма регламенти-

⁷ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 36.

⁸ Hobbes T. Leviathan, Or The Matter, Form, and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil / Ed. by R. Tuck. Cambridge, 1996. P. 88.

рованы инструкциями и артельными связями. Иначе говоря, вертикальная мобильность отягощалась многочисленными условностями, неписаными правилами и закулисными конвенциями.

Нельзя не учитывать и общий культурный фон, одобрявший насилие над внутренними и внешними врагами во имя общего дела. Можно согласиться с суждением, что «само научное сообщество, пройдя репрессии Гражданской войны и 1930-х гг., было психологически готово к репрессивным кампаниям, воспринимая их как ужасающую, но неотъемлемую и потому привычную часть действительности» (с. 45).

В таких условиях любая общественная структура находилась в ситуации риска. Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. напряжённость в историческом сообществе достигла пика, и хватило небольших усилий со стороны партийных работников — совсем не обязательно высшего звена, — чтобы опрокинуть организацию исторического дела в СССР. Выяснилось — снова обратимся к исследователю Гоббса, — «что между естественным и искусственным нет радикальной цезуры, они суть изнаночные стороны друг друга, и как естественная вражда просвечивает через социальность, так социальное просвечивает через все настроения естественной вражды, недоверия и тщеславия»⁹.

Конечно, можно найти логику и в поступках гонителей, и в уступках гонимых, но это совсем не логика социального института. И это отнюдь не конфликт «партийцев» и «академиков». Это логика войны всех против всех. В такой войне — как и во всякой другой, — наибольшую удачу и отвагу проявляют люди молодые, готовые к риску и насилию. Особенно если они чувствуют поддержку неодолимой силы (в нашем случае — силы «вождя»). Логика борьбы подчиняет себе едва ли не всех участников. В.В. Тихонов — человек смелый. Описывая ход кампаний, дебаты в учёных советах и на партийных собраниях, он называет все имена и не обрывает на полуслове цитаты, даже если они принадлежат почитаемым ныне людям. Возможно, это кого-то обидит или вызовет желание возразить. Думаю, что автор готов к такому повороту событий.

Война, однако, не может продолжаться вечно. И участвовавшие в ней историки после 1953 г. постарались восстановить утраченную социальность, заново — вместе с партийными работниками — выстроить институт исторического знания, но уже с учётом обрётённого опыта. Лояльность к власти, профессиональная автономия и социальный мир — именно на этих основаниях был заново собран институт советского исторического знания. Обсуждаемое исследование, кроме всего прочего, позволяет увидеть в идеологических кампаниях позднесталинской эпохи предпосылку — пусть и отрицательную — участия историков в политике оттепели.

Александр Дубровский: Книга рождает размышления

Alexander Dubrovsky (Bryansk State University, Russia): The book sets one thinking

DOI: 10.31857/S086956870005916-8

Книга В.В. Тихонова отражает творческий рост её автора. От исследования жизни и творчества поколения московских историков, чей творческий путь пришёлся на первую половину XX в., он перешёл к рассмотрению политических

⁹ Филиппов А. Актуальность философии Гоббса. С. 111.